

ПУТЕШЕСТВІЕ ГИМНАЗИСТА НА ЛУНУ.

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ ВАЛЕРІАНА ВАЛЕРІАНОВИЧА ВАЛЕРІАНОВА.

Разсказъ Виктора Русанова.

ОЛНЕНІЕ, и притомъ волнение необыкновенное произошло среди астрономовъ Пулковской обсерваторіи, наблюдая въ звѣздную октябрьскую ночь за небесными свѣтилами. Дѣло въ томъ, что почтенные астрономы замѣтили на лунѣ какое-то странное

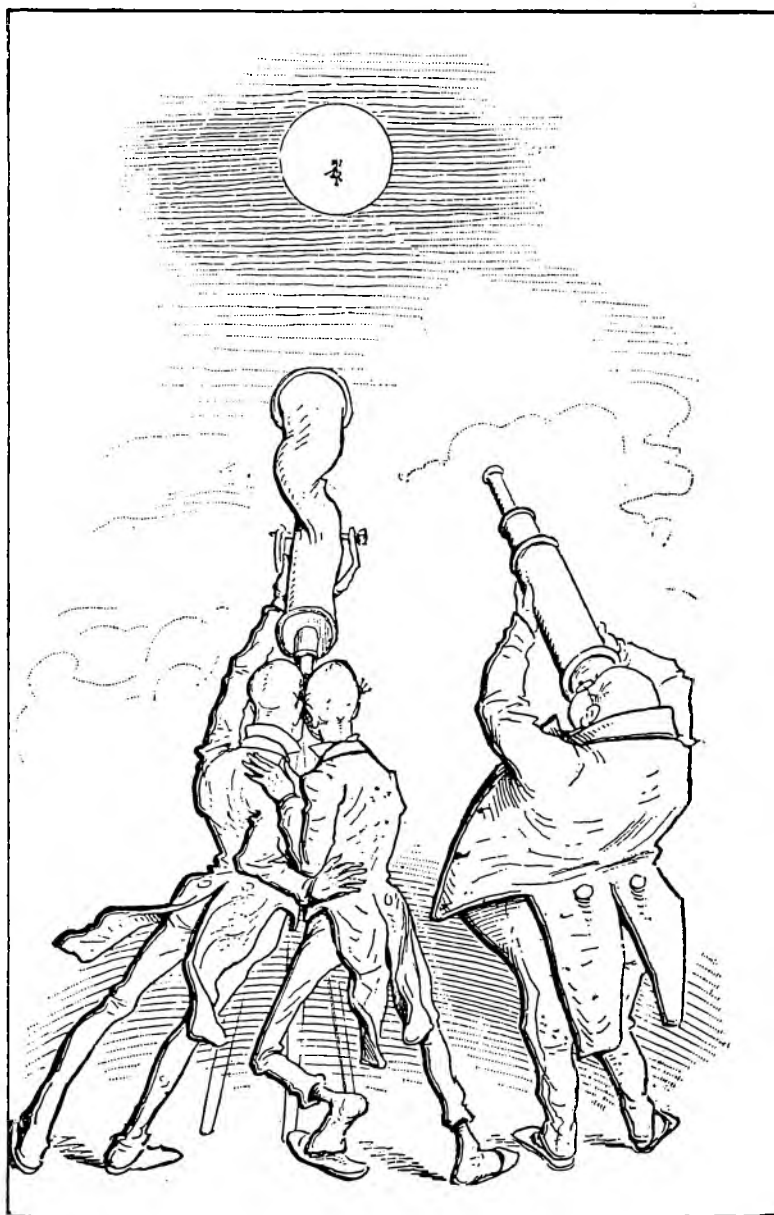
пятно, и дали, что это пятно есть ничто иное, какъ приближающійся къ самой лунѣ, верхомъ на пушечномъ ядрѣ... гимназистъ, въ полной формѣ, одѣтый по всеѣмъ правиламъ!...

Было отъ чего почтеннымъ астрономамъ придти въ волнение и нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что они рѣшительно потеряли головы. Толстый смотритель обсерваторіи растерялся до того, что сталъ смотрѣть въ подзорную трубу въ совершенно противоположную сторону. Два тощихъ астронома заспорили о томъ, кому изъ нихъ первому смотрѣть въ большой американскій телескопъ; они захотѣли въ одно время взглянуть на необыкновенное явленіе, и при этомъ съ такою силою стучнулись головами, что телеграфистъ обсерваторіи, полагая, что стукъ произошелъ отъ упавшей на землю звѣзды, поспѣшилъ

пятно. Разсматривая его черезъ телескопъ новѣйшей американской конструкции, пулковскіе астрономы совершенно отчетливо уви-

дагъ соответствующую телеграмму въ Петербургъ, а сторожъ обсерваторіи, принявъ стукъ за предвѣстника землетрясенья, спрятался въ

Между тѣмъ, почтенные астрономы, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на синяки, появившіеся на ихъ лбахъ, ни на боль,

Астрономы замѣтили на лунѣ странное пятно...

подвалѣ, гдѣ, по его мнѣнію, опасность была не такъ велика ..

вызванную этими синяками, ломали себѣ голову надъ тѣмъ, кто можетъ быть этогъ гим-

назистъ, попавшій такъ неожиданно на луну, какъ онъ смѣлъ полетѣть туда, не заявивъ объ этомъ сначала обсерваторіи, наконецъ, какимъ образомъ добрался онъ до луны, когда до сихъ поръ всѣ усилія попасть туда не привели рѣшительно ни къ какому результату?

Волнующіе пулковскихъ астрономовъ вопросы могъ рѣшить одинъ только человѣкъ въ мірѣ и этотъ одинъ человѣкъ былъ никто иной, какъ я, вашъ покорнѣйшій слуга, гимназистъ пятаго класса, Валеріанъ Валеріановичъ Валеріановъ.

Очутился я на лунѣ совершенно неожиданно и очутился въ то самое время, когда

Ядро летѣло быстрѣ молніи ..

всѣ думали, что я сижу въ карцерѣ «за невниманіе на урокъ физики».

Дѣло было вотъ какъ:

Шелъ урокъ физики. Учитель объяснялъ намъ прескучную, по моему мнѣнію, теорію колебаній маятника. вмѣсто того, чтобы слушать разъясненія нашего преподавателя, я предпочелъ вынуть спрятанное у меня между учебными книгами сочиненіе Жюль Верна— «Путешествіе вокругъ луны» и тайкомъ углубился въ чтеніе. Я не замѣтилъ при этомъ, какъ къ скамьѣ подошелъ учитель.

— Это что, милостивый государь?—крикнулъ онъ громко,—вы, я вижу, чтеніемъ забавляетесь въ то время, когда я читаю урокъ! А!—прибавилъ онъ, вырывая у меня изъ рукъ книгу,—вы странствуете по лунѣ тогда, когда я вамъ объясняю разныя явленія на земномъ шарѣ! Не угодно-ли вамъ остаться и посидѣть послѣ урока въ карцерѣ, закончилъ онъ сердито, направляясь къ каедрѣ, чтобы записать мой проступокъ въ классномъ журналѣ.

И я, несчастный, остался сидѣть въ карцерѣ—въ то время, когда всѣ мои товарищи со смѣхомъ, шумомъ и гамомъ отправлялись домой обѣдать. Мнѣ стало стыдно и обидно. Что скажутъ дома, узнавши, что я сижу въ карцерѣ? Какъ будутъ смѣяться мои сестры, узнавъ что причиной наказанія былъ Жюль Вернъ.

О, если бы вы знали, какъ я въ эту минуту ругалъ въ душѣ автора «Вокругъ луны»!..

Вскорѣ всѣ разошлись. Шумные корридоры опустѣли, настала страшная томительная тишина... Я не привыкъ къ такой тишинѣ, не привыкъ оставаться одинъ—неудивительно поэтому, что мнѣ стало и жутко, и грустно, и страшно въ отдаленномъ отъ людей, мрачномъ, холодномъ карцерѣ. Сначала, чтобы разсѣять себя немного, я началъ насвистывать, потомъ пѣть, потомъ декламировать,—но все это мнѣ скоро надоѣло. Голодъ, между тѣмъ, давалъ себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе.

— Чтобы этого Жюль Верна кошки съѣли!—думалъ я усѣвшись въ уголъ карцера.

Подъ вліяніемъ скуки и голода, я вскорѣ заснулъ крѣпкимъ, прекрѣпкимъ сномъ. Тутъ то и произошло необыкновенное приключеніе, такъ взволновавшее пулковскихъ астрономовъ: я очутился, не знаю какимъ образомъ, на длинномъ, остроконечномъ ядрѣ, которое быстрѣ молніи летѣло прямо по направленію къ лунѣ.

Вокругъ меня блестѣли звѣзды, освѣщая темное пространство; онѣ точно удивлялись неожиданному гостю, появившемуся въ такомъ необыкновенномъ видѣ; я не успѣвалъ разглядѣть, какія это звѣзды, такъ какъ ядро летѣло не останавливаясь ни на одно мгновеніе... еще одна секунда—и я буду на лунѣ, на этомъ темномъ спутникѣ земли, который какъ рассказывалъ нашъ учитель физики,

не имѣть ни воды, ни атмосферы. О чемъ я думалъ въ эту минуту—сказать трудно, но что сохранилось у меня въ памяти, такъ это то, что я вспомнилъ разсказъ учителя физики, будто бы «лучи луны имѣютъ извѣстную теплоту». Вспомнилъ же я объ этомъ потому, что я дрожалъ весь, какъ осиновый листъ, испытывая на самомъ себѣ, что лучи эти никакого тепла въ себѣ не содержатъ...

Но вотъ и сама луна... Она почему-то скорчила гримасу—замѣтивъ меня. Свѣтъ ея былъ такъ яркъ, что я, несмотря на громадное пространство, отдѣлявшее меня отъ земли, могъ даже разглядѣть большой американскій телескопъ пулковской обсерватории. Я увидалъ отчетливо обоихъ астрономовъ съ синяками на лбу; замѣтилъ и третьяго... Хочу подать имъ знакъ... Вдругъ...

Вдругъ кто-то меня слегка ударилъ по плечу, и я услышалъ голосъ:

— Валеріановъ, вы можете идти домой.

Я открылъ глаза: передо мной стоялъ учитель физики. Я вскочилъ и дотронулся ладонью до лба, на которомъ я почувствовалъ капли холоднаго пота.

Значить, это былъ сонъ, страшный ужасный сонъ!...

— Валеріановъ, идите домой и впредь на урокъ физики «Жюль Верна» не читайте,—произнесъ строго учитель физики.

Я пошелъ—нѣтъ, побѣжалъ въ раздѣвальную, напялилъ пальто, нахлобучилъ фуражку и какъ угорѣлый, выскочивъ на улицу, помчался домой. Съ тѣхъ поръ, каждый разъ, когда мнѣ попадается на глаза какое нибудь сочиненіе Жюль Верна, я съ ужасомъ вспоминаю мое путешествіе на луну, и воображенію моему ясно и отчетливо представляются три пулковскіе астронома, недоумѣвающіе при видѣ необычайнаго явленія на лунѣ.
